

У ИСТОКОВ ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ. Н.И. НАДЕЖДИН ОБ А.С. ПУШКИНЕ

В статье анализируются оценки творчества А.С. Пушкина одним из первых представителей философской критики 1830-х гг. Н.И. Надеждиным. Подчеркивается обусловленность суждений о Пушкине установками философско-эстетической концепции Надеждина. Доказывается, что именно Надеждин обозначил не только этическую, но и эстетическую значимость поставленной в произведении Пушкина проблемы "человек и высший нравственный закон". Делается вывод, что динамика суждений Надеждина о Пушкине свидетельствует о признании критиком новых процессов в литературе, которые требовали соответствующих оценок и интерпретаций.

Введение

Деятельность Н.И. Надеждина – ученого, журналиста, выдающегося литературного критика 1830-х гг. – долгое время недооценивалась. Общественно-политические позиции (неприятие революций, монархизм, отрицательное отношение к декабристам) заставляли исследователей советской эпохи относить Надеждина к лагерю реакционеров и порой замалчивать его роль в истории отечественной критической мысли. В учебных пособиях можно даже встретить утверждение, что "приглашение Белинского в журнал ("Телескоп". – Г.Ч.) было одной из главных заслуг Надеждина перед русской критикой" [1, с. 111]. Обращаясь к теме "Надеждин о Пушкине", литературоведы, прежде всего, искали доказательства того, как далеко позади в борьбе за "поэзию действительности" оставил В.Г. Белинский издателя "Телескопа" и своего непосредственного учителя [2; 3; 4].

Надеждина упрекали в том, что он не находил в произведениях Пушкина "мощных ростков нового литературного направления – реализма". Но, перефразируя совет Пушкина оценивать творчество художника по законам, им самим для себя установленным, можно сказать, что и суждения критика о литературных явлениях можно понять, учитывая эстетические и этические принципы, на которых его суждения строились.

В последние годы возрос интерес к различным течениям философско-идеалистической мысли в целом и философской критике в частности. Но, чтобы понять достижения и предел этого критического явления, необходимо вернуться к его истокам, у которых стоял Надеждин. Исследователям еще предстоит раскрыть не только конкретно-историческое, но и вневременное значение его литературных оценок.

Основная часть

Н.Г. Чернышевский заметил, что Надеждин "первый дал прочные основания нашей критики <...>, он ввел в нашу мыслительность глубокий философский взгляд" [5, т. 3, с. 113]. Но следует также подчеркнуть, что именно Надеждин первым связал явления искусства с глобальным вопросом "Бог и мир". Эта традиция развивалась в философско-религиозной критике середины XIX в., а в эпоху культурного ренессанса начала XX в. ее представители рассматривали художественные произведения как повод для обсуждения проблемы "Бог и человек".

В теоретическом труде "О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической" Надеждин, в духе философии Ф. Шеллинга, подводил все явления искусства "под один угол зрения", считая началом всех начал Дух, Абсолютную Идею. На примерах из мировой истории он доказывал, что закону ее саморазвития подчиняется человеческое бытие во всех его формах, одной из которых является искусство. Критик понимал жизнь как различные формы проявления Божественной Идеи, поэтому правдивость искусства он усматривал в изображении такой действительности, каковой она должна быть, подчиняясь законам Высшей Мудрости.

В оценках Пушкина Надеждин исходил из своей философско-эстетической концепции. В статье "Литературные опасения за будущий год" (1828) Надеждин назвал жизнь, действительность, предметом изображения нового искусства. Провозглашенный им лозунг "Где жизнь – там поэзия" давал основания говорить о реалистических устремлениях его эстетики. С другой стороны, как отмечалось выше, Надеждин утверждал, что предметом изображения должны быть лишь такие стороны жизни, в которых присутствуют тенденции осуществления Абсолютной Идеи. И перед художником ставилась задача угадать стремления Духа и раскрыть их в соответствующих художественных формах и "границах высокого и нравственного". В этих декларациях можно усмотреть рецидивы классицизма. В данном случае принято Цитировать Белинского, который заметил, что Надеждин "был не совсем искренним поборником классицизма, как и не совсем искренним врагом романтизма" [6, т. 6, с. 454]. Однако следует учитывать основные положения его эстетики, согласно которой литература должна воспроизводить явления действительности "в свете целого, которое всегда гармонично и прекрасно". Именно поэтому в статье "Литературные опасения за будущий год" (1828) Надеждин ставил весьма неутешительный диагноз современной словесности: "У нас нет литературы <...> Она превратилась в хлам орифмованных бляшек, засаривающих Парнас наш" [7, с. 163].

Сам по себе этот тезис не нов: на то, что "нет литературы", прежде сетовали А. Бестужев и Д. Веневитинов. Позже об этом же будут писать Белинский, И. Киреевский, А. Дружинин... При этом каждый из них по-своему представлял себе задачи поэзии и предмет ее изображения.

В "Рецензии на "Графа Нулина" Надеждин обрушился на Пушкина за "низменный" предмет изображения. "Выставлять на показ повестничество и беспутство – значит оскорблять человеческую природу, которая не может никогда выносить равнодушно собственного унижения", – писал он. Правда, автор рецензий хвалил отдельные картины быта в "Графе Нулине" и "Домике в Коломне". Однако первые главы "Евгения Онегина" критик счел "рамой, в которую поэту заблагорассудилось вставить свои фантастические наблюдения над жизнью, представлявшуюся ему не со степенного лица, а со смешной изнанки" [7, с. 168]. Эти суждения вызвали весьма эмоциональную реакцию Белинского. В письме к К.С. Аксакову от 14 августа 1837 г. он писал о статьях Надеждина, опубликованных еще в 1831 г.: "<...> Критик (Надеждин. – Г.Ч.) даже и не подозревает, чтобы на свете существовала добросовестность, любовь к истине, к искусству. Он извивается, как змея, хитрит, клеветает, по временам притворяется дураком, и все это плоско, безвкусно, трактирно, кабацки". Автор этих строк считает даже, что Надеждин "превзошел в недобросовестности самого Сенковского" [6, т. 9, с. 62]. В обзоре "Взгляд на русскую литературу 1847 года" Белинский еще раз вспомнил о нападках Надеждина на пушкинские поэмы: "Так и кажется, что это сейчас написанная статья против какого-нибудь произведения теперешней "натураль-

ной школы” <...> Что за причина, что противники всякого движения вперед во все эпохи нашей литературы говорили одно и то же и почти одними и теми же словами” [6, т. 8, с. 346].

Как известно, главным критерием художественности “реальной поэзии” Белинский считал социально значимое содержание литературы и “право писателя служить общественным интересам”. Надеждин, с его призывами создавать “высокое и нравственное искусство”, был представлен “неистовым Виссарионом” как ретроград, неспособный понять и принять реальные процессы, происходившие в литературе. Ироническое замечание Белинского, субъективное, по сути, дало основание литературоведам утверждать, что Надеждин недооценивал реалистические поэмы Пушкина, поскольку усмотрел в них обличительные мотивы [2; 3]. Но издателю “Телескопа” приходилось защищать в печати произведения, в которых были редкие по тем временам элементы социальной критики. Он, например, поместил в своем журнале и снабдил сочувственным примечанием “Аукцион”, одну из “Трех повестей” Н.Ф. Павлова. Причем характер этого примечания убеждает в том, что Надеждин знал всю книгу, вызвавшую переполох в правительственных кругах. Вошедший в нее “Ятаган” до сих пор поражает смелостью автора, описавшего наказание солдата шпицрутенами. Одобрительно отзывался Надеждин о философских повестях В. Одоевского, в которых, ко всему прочему, обличалась пошлость светской жизни. Высоко ценил он и получившие к тому времени известность в России произведения Оноре де Бальзака. Следовательно, не отрицательное отношение к социально-критическому направлению в литературе обуславливало отношение Надеждина к Пушкину. Провозглашенный им лозунг “Где жизнь – там поэзия” не означал призыва к зеркальному отражению действительности. Художественное открытие Надеждин понимал как глубокое осмысление жизни, как попытку решения конкретных вопросов человеческого существования. Надо признать, что он предугадал путь, по которому вскоре пошло развитие русской классической литературы, а философичность стала ее отличительной особенностью. Мысль Надеждина о том, что философичность, а не социальность является важнейшим критерием оценки художественных произведений, прозвучит в статьях Д. Шевырева, И. Киреевского, П. Анненкова, А. Дружинина. А в ренессансной критике конца XIX – начала XX в. философичность будет названа главным атрибутом реалистического искусства.

В повестях Одоевского и Павлова Надеждин обнаруживал философский и лирический колорит. Произведения Бальзака давали критику основание сделать вывод, что “его (Бальзака. – Г.Ч.) роскошная, сильная, верная кисть пишет все изгибы, все тайные переломы злого и доброго, таящегося на дне сердца” [7, с. 36]. Следовательно, Надеждина не могли не привлекать “истинно правдивые” произведения. Однако “при одном условии: если в них были выведены “коренные вопросы бытия”. С этой точки зрения, нравственное значение “Графа Нулина” или “Домика в Коломне” должно было представляться Надеждину сомнительным.

Надеждин не мог не признать (и, конечно, признавал!) талант Пушкина. Но он считал, что поэт тратил впустую свое дарование на описание повседневных мелочей и частностей. В “Литературных опасениях за будущий год” Надеждин иронизировал, что “главнейшими из пружин”, которыми приводятся в действие пушкинские герои, являются “пунш, ай, бордо, дамские ножки”. А в отзыве на VII главу “Евгения Онегина” критик заметил, что Пушкину не дано видеть и изображать природу поэтически, “под прямым углом”: “он может только мастерски

выворачивать ее изнанку” [7, с. 170]. Надеждин, таким образом, в реалистических произведениях Пушкина увидел лишь изображение “фрагментарных осколков мира”.

Содержание творчества художника Надеждин ставил в прямую зависимость от знания всеобщих законов мира и искусства. Пушкину же, считал критик, недоставало целостного взгляда на мир”. “Философский камень не дался поэту”, – констатировал автор статьи. “Мы должны быть снисходительны к его (Надеждина. – Г.Ч.) простодушной грубости – залог добросовестности и любви к истине, – парировал Пушкин. – Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражается языком пьяного семинариста” [8, т. 6, с. 264-265]. Правда, это всего лишь начало незавершенной статьи Пушкина. Но эти слова характеризуют его отношение к Надеждину – сыну сельского священника, получившего образование в духовной семинарии Рязани, а затем духовной академии в Москве. Очевидно, и сам Пушкин понимал несправедливость обвинения своего оппонента в невежестве, высказанного в раздражении. Впоследствии страсти улягутся, а борьба против общего литературного врага – Ф.Б. Булгарина – объединит этих выдающихся людей.

Особого внимания заслуживает “Отклик на “Бориса Годунова” (1831). На фоне отрицательных отзывов современной критики о пушкинской трагедии статья Надеждина воспринималась почти как положительная. Однако его отношение к произведению неоднозначно. Об этом свидетельствует диалогическая форма статьи, которая позволяла автору высказать в адрес трагедии “за” и “против”. “Не говорите вы об этом несчастном произведении, – заявляет одна из участниц спора. – Я всегда краснею за Пушкина, когда слышу это имя! Чудное дело! Уронить себя до такой степени... Это ужасно... Я всегда подозревала более таланта в творце “Руслана и Людмилы”, я им восхищалась... Но теперь!” [7, с. 257]. В уста этого персонажа Надеждин вкладывает свое признание, что к Пушкину уже нельзя подходить с мерками романтизма. Он пытается сравнить “Бориса Годунова” с историческими хрониками Шекспира и романами Вальтера Скотта. И сравнение это оказывается не в пользу Пушкина. Введение “фарсовых сцен и эпизодов”: например, сцена в корчме на литовской границе – это уступка низменному предмету изображения. Раздвоение интереса между Годуновым и Самозванцем – это рецидив поэтического своеволия. “Поэзия есть творчество, а здесь ни одного оригинального создания. Борис и Шуйский, которых хвалишь, переложены только в стихи из певучей прозы “Истории Государства Российского”, – продолжает противник трагедии [7, с. 259]. Тем не менее, Надеждин ставит в заслугу автору трагедии философский подход к изображаемому, стремление увидеть “целое в отдельном”. Поэтому он предлагает трактовать произведение как “историю в лицах”. “Не Борис Годунов, в своей биографической неделимости, составляет предмет его, а царствование Бориса Годунова, эпоха, им наполненная, одним словом – историческое бытие Бориса Годунова” [7, с. 255]. Интересно в данном случае, как решается проблема соотношения “единичного и общего” при создании художественного образа. В рассуждениях Надеждина намечается перенос в сторону “общего”, что будет характерно для философской критики впоследствии.

В “Отклике на “Бориса Годунова” Надеждин, по сути, сформулировал принципы, на которых должна, по его убеждению, строиться литература: философичность и нравственность. Несмотря на все претензии, высказанные в адрес пушкинской трагедии, критик отметил в ней и философичность, и нравственный смысл. Интересно замечание Надеждина, что, построив образ царя Бори-

са на “больной совести”, “Пушкин угадал тайну души Бориса и надлежащим образом понял всю чудесную игру ее” [7, с. 263]. Критик вплотную подошел к выводу о том, что произведение поэта знаменует собой начало нового этапа в развитии русской литературы, соответствующей интересам эпохи. Но вывод этот сделан не был. Поэтому исследователи ставили Надеждину в заслугу сформулированное в статье требование “единства содержания” и “цельного состава”. Именно это требование считалось важным достижением философской критики, вводящей разумность и порядок в хаос “эпохи стилистики” [4, с. 117]. А суждения Надеждина о Пушкине было принято расценивать как цепь заблуждений, обусловленных границами эстетической системы философа-идеалиста. При этом подчеркивалось, что только благодаря Белинскому творчество Пушкина получило наконец объективную оценку. Вопрос “Белинский о Пушкине” выходит за рамки данной работы. Однако необходимо напомнить, что согласно историко-литературной концепции автора цикла статей “Сочинения Александра Пушкина” творчество поэта, лишено критического отношения к изображаемому, следовало рассматривать как результат социальной ограниченности человека, “душой и телом принадлежащего основному принципу своего класса” (помещиков. – Г.Ч.) [6, т. 6, с. 262]. Поэтому, чтобы доказать “прогрессивность” Пушкина, советским исследователям приходилось отыскивать в его произведениях общественно значимый смысл. При этом попытки Надеждина указать на философские тенденции в творчестве Пушкина недооценивались, а порой игнорировались.

Заклучение

Значение оценок Надеждиным произведений Пушкина состоит, прежде всего, в том, что критик впервые обозначил не только этическую, но и эстетическую значимость поставленной поэтом проблемы “человек и высший нравственный закон”. Динамика его суждений о Пушкине свидетельствует о том, что критик чувствовал новые процессы в литературе, которые требовали соответствующих оценок и интерпретаций. Глубокое осмысление творчество Пушкина получит в конце XIX – начале XX в. в трудах Вл. Соловьева, Д. Мережковского, В. Розанова, С. Франка, И. Ильина, С. Булгакова. Но первый шаг к признанию Пушкина поэтом-философом сделал именно Надеждин.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кулешов, В.И.** Н.И. Надеждин / В.И. Кулешов // История русской литературной критики XVIII – начала XX веков. – М.: Просвещение, 1991. – С. 528.
2. **Каменский, З.А.** Русские эстетические традиции первой трети XIX в.: в 3 т. / З.А. Каменский. – М.: Искусство, 1974.
3. **Соловьев, Г.А.** Эстетические идеи молодого Белинского, Г.А. Соловьев. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 350.
4. **Манн, Ю.В.** Русская философская эстетика / Ю.В. Манн. – М.: Искусство, 1969.
5. **Чернышевский, Н.Г.** Полн. собр. соч.: в 16 т. – Т. 3: Очерки гоголевского периода русской литературы / Н.Г. Чернышевский. – М.: Гослитиздат, 1947.
6. **Белинский, В.Г.** Собр. соч.: в 9 т. / В.Г. Белинский. – М.: Художественная литература, 1976 – 1982.
7. **Надеждин, Н.И.** Литературная критика. Эстетика / Н.И. Надеждин. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 265.
8. **Пушкин, А.С.** Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6: Многие недовольны нашей журнальной критикой... / А.С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1974 – 1975. – С. 264-265.